

К ВОПРОСУ ОБ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ЯЗЫКА: ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Козлова Наталья Юрьевна –
кандидат философских наук,
доцент.
Московский педагогический
государственный
университет.
Российская Федерация,
119991, г. Москва, ул. Малая
Пироговская, д. 1, стр. 1;
e-mail: nyu.kozlova@mpgu.su

В статье делается попытка расширения исследовательского поля актуальных нейрокогнитивных тенденций в понимании языка с позиций лингвофилософского анализа его эпистемической функциональности. В центре внимания оказывается проблема языковой «сборки» – того, каким образом посредством языка оформляется перцептивный опыт и познавательная интенция субъекта. Рассматриваются такие особенности естественного языкового функционирования, как эпистемический фокус, смысловая неоднозначность и неосознаваемость. На примере анализа процессов смыслового дифференцирования и классифицирования наблюдается проявление эпистемического фокуса в языке. Показано, что высокая развитость любого языка как системы нацелена на выражение и фиксацию смыслового сдвига. Смысловая неоднозначность рассматривается как ключевой аспект взаимосвязи языка и мышления, благодаря которому оказываются возможными динамика смысла и развитие онтологии. Выявляется роль неосознаваемости в языковой практике. Утверждается, что, помимо функции автоматической саморегуляции, снижающей когнитивную нагрузку, неосознаваемость выступает условием для установления симбиотической связи языка и мышления. Результатом исследования эпистемической функциональности языка становится представление о нем как об области ментального моделирования.

Ключевые слова: язык, эпистемический фокус, познание, языковая «сборка», смысловая неоднозначность, неосознаваемость языковой практики, когнитивная наука, эпистемическая функциональность

ON THE EPISTEMIC FUNCTIONALITY OF LANGUAGE: A LINGUISTIC-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Natalya Yu. Kozlova –
PhD in Philosophy,
Associate Professor.
Moscow Pedagogical State
University.
1/1 M. Pirogovskaya St.,
Moscow 119991,
Russian Federation;
e-mail: nyu.kozlova@mpgu.su

This article seeks to broaden the scope of research on contemporary neurocognitive approaches to language comprehension by examining it through the lens of linguistic-philosophical analysis, with a focus on its epistemic functionality. The central issue addressed is the linguistic “assembly” of meaning – that is, how language structures perceptual experience and shapes the cognitive intentions of the subject. The study explores key features of natural language functioning, including *epistemic focus*, *semantic ambiguity*, and *unconscious processing*. Through an analysis of meaning differentiation and classification processes, the manifestation of epistemic focus in language is observed. It is demonstrated that the advanced development of any linguistic system is fundamentally oriented toward expressing and capturing shifts

in meaning. Semantic ambiguity is examined as a crucial aspect of the language-thought relationship, enabling both the dynamism of meaning and the evolution of ontology. Furthermore, the role of unconscious mechanisms in linguistic practice is investigated. Beyond its function in automatic self-regulation, which reduces cognitive load, unconscious processing is argued to facilitate a symbiotic connection between language and thought. The study concludes by conceptualizing language as a domain of *mental modeling*, emphasizing its epistemic role in shaping cognitive structures.

Keywords: language, epistemic focus, cognition, linguistic “assemblage”, semantic ambiguity, unconsciousness of linguistic practice, cognitive science, epistemic functionality

Введение

В осмыслении роли языка в познании современная эпистемология опирается преимущественно на опыт когнитивных исследований и достижения нейронауки. В центре внимания оказываются вопросы, связанные с выявлением когнитивной функциональности как отдельных языковых элементов – главным образом абстрактных понятий [Borghi et al., 2017; Shea, 2018; Connell et al., 2018; Mazzuca et al., 2021; Borghi, Mazzuca, 2023], так и в целом языковой системы [Barsalou, 2008; Dove, 2014; Dove, 2020; Kemmerer, 2023]. Из последних тенденций можно отметить идеи о языке как «когнитивном картесе» [Clark, 2015; Borghi et al., 2019], «когнитивной нише» [Clark, 2006], «нейроусилителе» [Dove, 2020]. Общей чертой данных идей, развивающихся в русле концепций «укорененного познания» (“grounded cognition”) и «воплощенного познания» (“embodied mind”), является представление о центральной роли языкового опыта в мышлении [Borghi, Mazzuca, 2023], проявляющейся в том, что разум может обрабатывать перцептивный поток благодаря тому, что тот получает структурированное выражение в естественном языке. Между тем разговор о языке как значимом компоненте взаимодействия субъекта с реальностью, а также о «масштабах языкового влияния на когнитивные процессы» [Dove, 2020] оказывается неосновательным без учета собственно лингвистических наблюдений, без анализа эпистемической функциональности языка – того, как именно ему удается оформлять перцептивный опыт и познавательную интенцию субъекта.

Как уже говорилось выше, современные исследования делают ставку на анализ абстрактных понятий: они опосредуют взаимодействие субъекта с внутренним и внешним опытом, формируя смысловые отношения с физическим и социальным окружением [Dove et al., 2022]. Несмотря на перспективность заданной исследовательской оптики, следует отметить ее односторонность. Абстрактные понятия хотя и обнаруживают самое очевидное участие языка в когни-

тивных практиках, являются далеко не единственным элементом его технического оснащения. В этой связи особый интерес представляет анализ таких особенностей естественного языка, как эпистемический фокус, смысловая неоднозначность и неосознаваемость, которые в современной натуралистически ориентированной оптике не получают достаточного освещения¹, по-видимому, в силу их значительной имплицитности и очевидности. С учетом того, что все большее исследовательское внимание в когнитивном анализе языка привлекает идея выявления гибких, а не стабильных аспектов познания [Borghi, Mazzuca, 2023] – о чем свидетельствует, например, современный всплеск интереса к гипотезе лингвистической относительности [Kemmerer, 2023], – фокус статьи сосредотачивается на проблеме языковой «сборки» – того, каким образом связь вышеперечисленных свойств естественного языка становится аспектом мышления, обеспечивая его взаимодействие с реальностью. Анализ развивается на пересечении различных исследовательских традиций. Такой ракурс преследует две цели: с одной стороны, расширить рамки актуальных нейрокогнитивных тенденций в понимании языка, с другой – обнаружить не всегда артикулируемое смысловое пересечение между современными веяниями и более ранними лингвистическими и философскими представлениями².

Язык как эпистемический фокус: от перцепции к образу мира

Э. Кассирер, исследуя роль естественного языка в познании и построении реальности, подчеркивает его важность в структурировании перцептивного опыта. Он утверждает, что само понятие «действительности» возникает благодаря особой функциональности языка в дифференцировании и классифицировании первичной хаотичной совокупности ощущений на «группы различного значения и содержания» [Cassirer, 1910, S. 382]. Язык выступает мощным концептуальным инструментом, который фиксирует познавательную интенцию субъекта, «останавливая» поток сенсорных переживаний и придавая им относительную стабильность [Кассирер, 2011а]. Ключевым моментом в процессе познания, согласно Кассиреру, является преобразование первичных впечатлений в представления – так

¹ Кроме эпистемического фокуса, который анализируется в контексте исследований абстрагирования [Бажанов, 2021].

² Выбор привлекаемых лингвистических и философских идей обусловливается замыслом исследования: ссылка на них позволяет расставить смысловые акценты в развертывании проблематики статьи.

возникают понятие и понятийная система, в которой путем различных логических операций получаемые представления структурируются для достижения их максимальной «определенности» [Кассирер, 2011б, с. 219]. Подобная логико-семантическая работа никогда не прекращается, непрерывно развивая саму понятийную систему и возможные вариации смысловых связей между ее элементами, а вместе с ней – постоянно расширяя и уточняя эпистемические границы.

Вместе с тем разнообразие существующих языковых систем, а также сама природа логической операции понятийного дифференцирования и классификации свидетельствуют о том, что в их основе лежит некий мотив [Cassirer, 1910], позволяющий языку из всего потока перцептивного опыта выбирать только релевантные для существования своего носителя элементы и усваивать их в свою формально-семантическую материю определенным образом. Восприятие мира характеризуется эпистемическим фокусом, действующим на всех уровнях языковой организации: начиная от первичного метафорического преобразования мысли в звук и формирования понятийной среды [Козлова, 2023] до сложения всей языковой архитектуры, в своих категориальных и грамматических конфигурациях обнаруживающей процесс активного творческого осмысления реальности³. В этом отношении особенно показательны процессы классификации и номинации. Их особенность заключается в том, что понятийное «схватывание» предмета неразрывно связано с его классификацией. При этом на себя обращает внимание, с одной стороны, когнитивная общность путей классификации, а с другой – их концептуальная различность. Речь идет о том, что понятие и классификация в механизме своего формирования исходят из когнитивной интеграции некоторых постоянно, системно повторяющихся элементов чувственного опыта. И в то же время сравнительно-сопоставительный анализ языковых систем демонстрирует концептуальную разницу в понятийном усвоении и классифицировании, казалось бы, общей для всех перцептивной информации. Кассирер, ссылаясь на исследования Гумбольдта, приводит довольно интересный пример [Cassirer, 2021, р. 134], иллюстрирующий функцию именования, которая заключается не в том, чтобы исчерпывающе описывать конкретную ситуацию, а в том, чтобы выделить в ней определенный аспект и интенсифицировать его. Сопоставляя понятия «луна» в греческом и латинском языках, можно обнаружить различные акценты в смысловом развертывании представления об одном и том же объекте. Если для греческого принципиально указание на «измерение» времени, для чего существует отдельное понятие $\mu\eta\nu$, то в латинском *luna*, *luc-na* обозначает «ясную

³ О чем свидетельствуют современные кросс-культурные исследования лингвистической вариативности [Kemmerer, 2023].

луну» или ее «яркость» [Cassirer, 2021, p. 134], а также месяц. Этот пример свидетельствует об особой функциональности эпистемического языкового фокуса, заключающейся в том, чтобы не только «спаивать» разрозненные впечатления в единый интегральный узел – понятие – и тем самым оптимизировать мыслительный процесс, но и дифференцировать особенно значимые результаты перцепции путем понятийной и семантической дисперсии⁴. Этим объясняется высокая развитость любого языка как системы: звук, понятие, различные грамматические категории и отношения нацелены на выражение «отличного»⁵, на фиксацию смыслового сдвига.

Структура языка, несмотря на жесткость синтагматической оси, обладает удивительной гибкостью и потенциалом для смысловых преобразований. На это обращал внимание еще де Соссюр, анализируя синтагматические отношения в языке. С его точки зрения, синтаксис языкового выражения одновременно характеризуется двумя измерениями: языковым, или узуальным, когда синтагматические связи не поддаются импровизации, жестко фиксированы и передаются по традиции (например, фразы типа «avoir mal à (la tête...)» – ощущать боль в (голове и т.д.)»), и речевым, характеризующимся «свободой комбинирования элементов». В синтагматике, таким образом, «нет резкой границы между фактом языка, запечатленным коллективным обычаем, и фактом речи, зависящим от индивидуальной свободы»; в создании той или иной комбинации единиц «участвуют оба фактора, и в таких пропорциях, определить которые невозможно» [де Соссюр, 1977, с. 156–157]. Во взаимодействии обеих осей – синтагматики и парадигматики – в акте артикуляции или интерпретации возникает тот или иной путь мышления и, соответственно, образ осмысляемого мира, который поддерживается сферой языка⁶ и является актуальным до тех пор, пока субъект в меняющихся обстоятельствах взаимодействия с действительным не откроет для себя более эффективную смысловую стратегию.

Эту мысль удобно проиллюстрировать железнодорожной метафорой, поскольку она довольно точно передает языковое устройство. Синтагматическую ось можно представить как железнодорожные рельсы – жестко фиксированный путь, по которому движется

⁴ Примерами могут служить явления синонимии и полисемии.

⁵ О дифференцировании как одном из главных системообразующих мотивов в языке [Соссюр, 1977].

⁶ Речь идет о суггестивной силе дискурса, понимаемого в качестве концептуальной формы, которая фиксирует определенные доминирующие смыслополагания [van Deijk, 2014], характеризующие общество на историко-культурном этапе его развития. В качестве примера можно привести научный дискурс и динамику типов научной рациональности, каждый из которых являл определенное смысловое отношение к реальности.

в акте артикуляции словесный эшелон. Особенность рельсового пути проявляется в том, что его конструкция принуждает состав к линейному построению и последовательной сцепке вагонов. Для смыслового развертывания это, в свою очередь, подразумевает важную особенность. Во-первых, ограничение в сцепке – так проявляется синтаксическая валентность, определяющая допустимые языковой онтологией смысловые сочетания. По сути, на ее важность обращал внимание еще Пирс, рассматривая язык как разновидность алгебры и отмечая, что «расстановка слов в предложении должна служить в качестве иконического знака, чтобы предложение могло быть понято» [Peirce, 1960, p. 430]. Синтаксическая валентность с этой точки зрения выражает «формы синтеза элементов мысли» [Ibid.], т.е. обозначает определенные логические и смысловые отношения между элементами предложения. Если далее развить эту мысль, то в особенностях синтаксического построения (определенной последовательности его частей и сцепке) проявляется эпистемический фокус – смысловая иерархия, синтаксически фиксируемая языком. Возвращаясь к железнодорожной метафоре, нужно отметить, что парадигматическая ось – это множество параллельных, потенциальных вариантов выражения – иных рельсовых путей, пересекающих концептуальное пространство. Выбирая те или иные языковые конструкции и элементы, субъект помещает свое внимание к объекту в определенную оптику, что позволяет ему, варьируя стратегии описания, анализировать одно и то же явление по-разному, акцентируя его различные аспекты. Если практикуемая языковая стратегия оказывается неэффективной, субъект перестраивает свои мыслительные маршруты, моделируя смысловые сцепления в поисках более адекватных изменившимся обстоятельствам.

С этой точки зрения можно сказать, что язык выступает своеобразным полем непрекращающегося смыслового моделирования⁷, отражающего процесс взаимодействия мышления с действительностью. Языковая система, с одной стороны, выступает исторически выработанным способом смыслового кодирования окружающей предметности, а с другой – развивающейся вместе с носителем оптикой для ее наблюдения в условиях настоящего. Позволяя члену языкового коллектива концентрировать свое внимание на значимых аспектах реальности, язык не пребывает в статике: опыт мышления фиксируется во все новых смысловых вариациях, отражающихся в узуальном употреблении, в нормах семантической сочетаемости и онтологических связях.

⁷ В значении «разработка, экспериментирование, проектирование».

Смысловая неоднозначность

Смысловая неоднозначность во многом обусловлена символической природой языка [Whitehead, 1927; Кассирер, 2011б]. Слово – это символ, и «его значение складывается из идей, образов и эмоций, которые оно вызывает в сознании слушателя» [Whitehead, 1927, p. 2]. Ключевыми в процессе интерпретации выступают два момента. Во-первых, символическая связь означающего и означаемого, в которой означаемое, как показывает анализ практики интерпретации [Артемьева, 1999], может пониматься широко – не только как словарное значение понятия и конвенциональный смысл высказывания, но мыслимое содержание, смысл, активно эксплицируемый субъектом в конкретной ситуации. Во-вторых, поражающая сложность, многомерность человеческого мышления и сознания, напрямую усложняющая процесс не только интерпретации, но и артикуляции. В зависимости от личного опыта, культурного фона и своего текущего ментального состояния субъект, отталкиваясь от интерсубъективного значения осмысляемого высказывания, прокладывает собственный путь интерпретации⁸. Речь идет о том, что конвенциональное интерсубъективное значение слова или высказывания своими «силовыми линиями» лишь намечает поле возможных ассоциаций, в котором будет раскрываться и конструироваться важный для субъекта смысл. С этой точки зрения гибкая символическая связь между означающим и означаемым оказывается инструментом стабилизации потока внутренней психической жизни, а момент интерпретации – конструирование смысла – точкой сведения разрозненного материала непосредственных сенсорных и когнитивных впечатлений в единую смысловую картину восприятия.

⁸ Собственно, благодаря такому взаимодействию языка и сознания и становится возможным искусство, в особенности литература и поэзия. На банальный вопрос «который час?», на первый взгляд предполагающий конкретный ответ, человек, остро переживающий кризис среднего возраста или в принципе озабоченный скоротечностью человеческой жизни, может ответить нечто вроде «без пяти минут старость». Речь идет о том, что огромную роль в акте интерпретации играет субъективная реальность воспринимающего, взаимосвязанная, если учитывать последний теоретический опыт когнитивной науки и в особенности концепции отелесненного ума [Clark, 2015; Varela et al., 2017], с состоянием тела, предрасположенностями его нервной системы, которая, как отмечал еще Блумфилд, является результатом всего опыта субъекта, лингвистического и прочего, вплоть до самого момента интерпретации, а также результатом воздействия наследственных и внутриутробных факторов [Bloomfield, 1933].

Это можно проиллюстрировать, обратившись к анализу наиболее яркого проявления источника смысловой неоднозначности⁹ – высказываний вроде «Бесцветные зеленые идеи яростно спят» (Н. Хомский) и «Цезарь является простым числом» (Р. Карнап). С логических позиций они традиционно расцениваются как грамматически корректные, но семантически бессмысленные – иными словами, выступают языковыми аномалиями. Однако, если допустить, что синтагматическая связь слов – их последовательность и сочетание – может порождать совершенно неожиданные, не подразумевавшиеся изначально интерпретации, то тогда смысл можно лишить конвенциональной привязки, оставив ее при значении, и рассматривать его как продукт уникальности восприятия конкретного субъекта. С этой точки зрения вышеприведенные высказывания становятся иллюстрациями удивительной гибкости языка, преодолевающего онтологическую нереальность за счет потенциальной вариативности в продуцировании смысла в процессе интерпретации. В центре внимания оказывается вопрос не о взаимодействии грамматики, семантики и порождении бессмыслицы, а о факте отсутствия в языке строгой нормы семантической сочетаемости. Признание за языком смысловой незавершенности ставит под сомнение онтологический аргумент как главный критерий осмысленности высказывания и переносит акцент на субъективность смыслообразовательного процесса. На особенности интерпретации, развивающейся в экстремальных для мышления условиях – в отсутствие узואльно закрепленной стратегии считывания смысла, – обращает внимание Якобсон при анализе «зеленых идей» Хомского. Он отмечает, что «...грамматические отношения создают осмысленное предложение...», интерпретация которого идет по пути субъективного отождествления с уже имеющимися в языке представлениями: «“Бесцветное зеленое” – это синонимическое выражение для “бледно-зеленое”, имеющее как явный оксюморон легкий юмористический оттенок. Эпитет “зеленое” при слове “идеи” – это метафора, напоминающая знаменитую строку Эндью Марвелла “Green thought in a green shade” (‘Зеленая мысль в зеленой тени’)... а также русскую идиому “тоска зеленая”. В фигуральном смысле глагол “спать” означает ‘быть в состоянии, похожем на сон, быть инертным, онемелым, апатичным и т.д.’; ведь говорят, например, *his hatred never slept* (букв. ‘его ненависть никогда не спала’). Почему же тогда не могут чьи-нибудь идеи впасть в сон? И наконец, почему нельзя рассматривать слово “яростно” как эмфатический синоним слова “крепко”?» [Якобсон, 1985, с. 237].

Приведенный выше анализ демонстрирует особенности взаимодействия языка и мышления. Специфика акта интерпретации прояв-

⁹ По сравнению с рядовыми примерами смысловой неоднозначности вроде «отец накричал на сына, потому что он был пьян».

ляется в двух моментах. Во-первых, следуя задаваемому языковой синтагматикой алгоритму смыслового развертывания, она тем не менее осуществляется с долей субъективности, проявляющейся в особенности продуцирования смысла. Во-вторых, интерпретация характеризуется эпистемическим фокусом, выступающим главным условием для ее возможности: субъект, опираясь на интерсубъективные стратегии понимания, проецирует собственные интересы, желания и стремления и извлекает из высказывания *значимый*, релевантный для модуса своего существования, смысл. С этой точки зрения смысловая неоднозначность является ключевым аспектом взаимосвязи языка и мышления, лежащим в основе смысловой динамики и развития онтологических связей и отношений.

Неосознаваемое оперирование языковыми формами

На неосознаваемое использование языка обращает внимание Э. Сепир, рассматривая феномен бессознательности в рамках анализа социальных норм поведения. Социальная традиция представляет собой систему поведенческих стереотипов, моделей реагирования, опосредующих и регулирующих взаимодействие субъекта с миром. Поведенческий стереотип может рассматриваться в понятиях функции и формы [Sapir, 1927]. Сепир отмечает, что при относительной стабильности культурных форм их функциональная сторона подвержена изменениям: «...формы человеческого поведения с легкостью теряют или модифицируют свои первоначальные функции или приобретают совершенно новые» [Ibid., p. 120]. Несмотря на функциональную вариабельность, главная проблема для анализа состоит в экспликации формы – для человека, не занимающегося специальным научным исследованием, выявление в своем поведении определенных элементов и обоснование общего, связующего их «правила» представляется практически невозможным [Sapir, 1927]. Например, он с легкостью может использовать термины родства для описания своих семейных отношений и связей, но испытывает серьезные затруднения в объяснении их формальной структуры, «правила», хотя его поведение позволяет заключить, что оно хорошо ему известно [Ibid., p. 123]. Сепир подчеркивает, что в некотором смысле это действительно так – «правило ему хорошо известно», – но вместе с тем оно остается за гранью его сознательного, в языковых понятиях, оперирования. Подобное знание, выражающее «отношения между элементами опыта», глубоко интуитивно. Поведенческие стереотипы, пронизывающие социальную реальность, являются «не столько осознанными, сколько ощутимыми, и поддаются не столько сознательному

описанию, сколько бесхитростному использованию их на практике». Подобная бессознательность способствует «строгой приверженности формам поведения» [Sapir, 1927, p. 122–123], что, по мнению Сепира, обеспечивает функциональность мышления.

В этом контексте Сепир рассматривает языковое поведение, считая его наиболее ярким проявлением бессознательности в мышлении. Носители языка с легкостью общаются, оперируя сложнейшей фонетической структурой, строят разнообразные синтаксические конструкции, выражающие тончайшие оттенки смысла, даже не задумываясь о том языковом механизме, который лежит в основе этих повседневных манипуляций. Но при этом ни один член языкового коллектива не обладает полным и адекватным представлением о конфигурациях языковой системы: тот «невероятно тонкий языковой механизм», с которым играючи справляется ребенок, бессознательно усваивая даже самые сложные языки, требует для своего исследования глубокой и всесторонней аналитики [Ibid., p. 123–124], далеко не всегда оборачивающейся успехом. Носитель языка с этой точки зрения оказывается лишь заложником конвенционально утвержденных языковых структур, которые в повседневной коммуникации кажутся простыми и самоочевидными, но на самом деле крайне сложны и исторически обусловлены. Язык диктует принципиально условные по своей природе нормы интерпретации [Ibid., p. 119] и социального поведения, которые характеризуют специфику того или иного культурного сообщества. Сепир приводит яркий пример индивидуальности «прочтения» одной и той же ситуации членами разных языковых коллективов. Интерпретация, по его мнению, никогда не будет одинаковой в силу того, что носители непохожих языков обладают различающимися «культурными ключами» [Ibid.] к пониманию происходящего. Исследователь всегда сможет на своем языке описать действия аборигенов, но, следуя внутренней логике своего языка, он непременно всевозможными способами исказит картину происходящего. Его внимание, вероятней всего, будет приковано к тем деталям разворачивающейся сцены, которые аборигены со своей стороны воспринимают само собой разумеющимися и потому недостойными интереса, в то время как моменты, придающие формальную целостность совершающимся действиям и характеризующиеся концептуальной значимостью для аборигенов, останутся незамеченными для внешнего наблюдателя [Ibid.].

Именно язык, таким образом, выступает в качестве самой бессознательной социальной практики: его система успешно функционирует, передаваясь из поколения в поколение, в условиях ее минимального осознания [Ibid.]. В качестве причины наблюдающегося автоматизма в практике языка Сепир указывает отсутствие «природной» необходимости в знании носителем языка всех внутриязыковых процессов: «Здоровая бессознательность... необходима для

общества так же... как необходимо неведение, или, лучше сказать, неосведомленность ума относительно работы внутренних органов для телесного здоровья» [Sapir, 1927, p. 141–142]: «В великих произведениях искусства форма важна лишь постольку, поскольку мы чувствуем, что находимся в ее власти. Она теряет свою власть, как только мы начинаем объяснять ее...» [Ibid., p. 142].

Современная нейрокогнитивная наука рассматривает неосознаваемость когнитивных практик в качестве проявления автоматизма, снижающего мыслительную нагрузку [Bargh, Chartrand, 1999]. Использование абстрактных понятий в этой связи трактуется как механизм активации внутренних ментальных репрезентаций, способствующих автоматической обработке сенсомоторного и лингвистического опыта [Dove et al., 2022]. В отличие от современных представлений Сепир в раскрытии роли неосознаваемости обращает внимание не на экономию интеллектуальных усилий, а на контроль «за очень сложными» конфигурациями языка [Sapir, 1927, p. 135], хотя второе не отменяет первого. Представление о языке как *конфигурации* значимых элементов эксплицируется из его рассуждений о фонетической структуре языка и артикуляторных навыках – интуитивно усваиваемых звуковых отношениях, связываемых в мышлении с соответствующими языковыми контекстами [Ibid.]. Данное представление интересно тем, что акцентирует *неразрывность* связей на всех уровнях языковой системы, будь то между грамматическими формами или в звуковом материале. Неосознаваемое оперирование языком с этой точки зрения выступает основой того функционального взаимодействия, в котором мышление обретает цельный артикулированный вид.

Язык и сознание: функциональное сплавление

Взаимодействие фокусности, смысловой неоднозначности и неосознаваемости языковой практики обуславливает эпистемическую функциональность языка. В своем «теновом», сугубо «инструментальном» положении, когда член языкового коллектива говорит, но не сознает, *как* говорит, язык лучше всего улавливает траектории его мыслительного движения. Происходит функциональное «сплавление» языка и сознания, в котором второе не только обретает доступ к результатам перцепции, но и имеет возможность их обрабатывать, оттачивать и моделировать в своем взаимодействии с реальностью [Clark, 2015; Varela et al., 2017; Dove et al., 2022]. Язык, с одной стороны, оказывается интегрирующим механизмом когнитивных и метакогнитивных операций, а с другой – концептуальным полем, фиксирующим их результаты.

В этой связи большой интерес представляет анализ «поточности языка», предпринятый А.Ф. Лосевым в контексте идеи потока сознания¹⁰. С его точки зрения, любой язык характеризуется прерывностью и непрерывностью. Обычно научный метод трактует язык с точки зрения прерывности: выражение рассматривается как расчлененное, по аналогии с членораздельной речью. Вместе с тем, как отмечает Лосев, «членораздельность языка трудно представить себе в абсолютном виде не только в области артикуляции, но и в области содержания выражаемой в языке мысли» [Лосев, 1982, с. 454]. Взгляд на языковую систему с позиций прерывности – удобная для обучения и научных исследований оптика, на самом же деле язык «оказывается сплошным континуумом», в котором происходит «слияние рационального и иррационального» [Там же, с. 455]. Учитывая связь языка и сознания, поток второго оказывается возможным лишь в «текучести»¹¹ первого.

Лосев прослеживает поточность языка на всех уровнях его системы. Он отмечает, что, произнося слово, мы «сливаем» составляющие его разрозненные звуки в единый целостный «фонетически континуум» [Там же, с. 458]. Благодаря этому означающее, звуковая форма, сама по себе лишенная смысла, обретает значение: она указывает на какой-либо объект или явление и таким образом становится распознаваемой и интерпретируемой. Та же «поточность» языка наблюдается и на морфологическом уровне. Произнося и понимая слова, субъект не фиксирует в изолированном виде префикс, корень, суффикс и флексию, но оперирует «спаянностью», «текучестью» этих компонентов в слове.

Языковые элементы не избегают и семантической поточности. Анализируя многозначность древнегреческого предлога *cata*, чье первоначальное значение – указание на движение сверху вниз, Лосев прослеживает динамику его смысловых контекстуальных трансформаций (с учетом значений горизонтального движения, а также положительной и отрицательной оценки) до слияния всех оттенков в одно неразрывное целое – в значение выражения клятвы¹². Подобный

¹⁰ Исследовательский ракурс Лосева. Вместе с тем современное представление о мышлении как сознательном переживании неопределенности позволяет вести разговор о нем и сознании в едином смысловом поле.

¹¹ Ср. с ранее упоминавшейся неразрывностью в языке.

¹² «Мы имеем в виду значение этого предлога в выражении клятвы – *cata tou paidos omnytai* (“клясться ребенком”). Подобного рода выражения указывают, во-первых, на движение мысли того, кто произносит клятву, вверх, к богам; во-вторых, здесь высказывается мысль также и о движении сверху вниз: если клятва не будет исполнена, то боги низвергнут свой гнев и силу на ребенка, и он погибнет. И, в-третьих, оба эти движения, вверх и вниз, имеют в клятвах еще и огромное оценочное значение. И все это выражается только двумя словами *клянусь ребенком*» [Лосев, 1982, с. 461].

пример позволяет говорить о семантике как «потоке значений»: «...значение... доходит в своей текучести до того, что начинает вмещать в себе самые крайние и даже противоположные установки» [Лосев, 1982, с. 460–461].

Семантическая текучесть напрямую связана с модальностью. Именно она, с точки зрения Лосева, является механизмом, который задает высказыванию определенную смысловую тональность, «непрерывным образом» включающую в себя все прерывные элементы фразы. Так, модальность произвольного допущения, свойственная греческому языку, выражается не только в пределах глагола в оптативе, но охватывает в процессе артикуляции все сами по себе прерывные элементы фразы, в результате чего высказывание обретает смысл, важный для сознания в данном моменте. На примере анализа глагольного наклонения Лосев демонстрирует, что модальность также характеризуется текучестью. Индикатив – модальность фактической действительности – граничит с иными модальностями и довольно часто переходит в них, стоит лишь произнести фразу вопросительно или восклицательно [Там же, с. 464].

Для проблематики статьи вышеприведенные наблюдения Лосева интересны тем, что на примерах реального языкового функционирования демонстрируют «активную подвижность» [Там же, с. 457] во взаимодействии языка и мышления. Поток сознания оказывает прямое воздействие на язык. Сливая в «нераздельное целое членораздельные звуки, слоги, слова и целые предложения» [Там же, с. 466], сознание обретает в языке свою вербализованную форму. Семантическая текучесть оказывается неотъемлемым свойством языкового функционирования. Будучи связанной с поточностью сознания, она выступает условием для реализации эпистемического фокуса, в котором оформляется и интенсифицируется мысль познающего субъекта.

Заключение

Эпистемическая функциональность языка, таким образом, может быть охарактеризована следующими проявлениями. Во-первых, интуитивное постижение и использование языка как формы социального взаимодействия приносит некоторый автоматизм в языковую практику и позволяет избегать искусственного вмешательства в *естественную*, а значит, самую функциональную языковую деятельность. Речь идет о том, что, не проникая в недра языковой логики, не задумываясь над формой выражения, носитель языка словно не ощущает ограничений в своей речемыслительной практике, что позволяет языку как достаточно пластичной и открытой в плане семантического

развития (несмотря на устойчивую структурную жесткость) системе улавливать ракурсы познавательных интенций и смысловые сдвиги. Языковая практика демонстрирует удивительное «сплавление» языка и мышления: в каждом акте артикуляции и интерпретации, разворачивающемся в условиях смысловой неоднозначности, субъект, замыкаясь в определенное семантическое пространство, неосознаваемо проецирует свои желания, намерения, волю, тем самым открывая в интерсубъективной плоскости смысла субъективное измерение. Интерпретация циркулирует в своего рода эллиптической линии с двумя фокусами: общезначимым, фиксирующим конвенциональное смыслополагание, и индивидуальнозначимым, обозначающим личностно-актуальное развертывание смысла. С одной стороны, указанное проецирование свидетельствует о возможности субъективного «преодоления» семантической нормы – когда интерпретация проявляет уникальность интеллектуального маневра – которое (преодоление) в конечном итоге выступает двигателем языкового и научного развития, пусть и через конвенциональную апробацию. С другой – подобное «просачивание» субъективного оборачивается причиной смысловой неоднозначности.

Во-вторых, язык способствует объективизации мысли: субъект *сталкивается* с ней, получая возможность ее «о-сознать» и рассуждать *о* и *в* ней. В языке мышление обретает механизм концептуальной стабилизации: опыт из различных когнитивных источников интегрируется эпистемическим фокусом и семантически дифференцируется, оформляясь в языковых подсистемах. Иными словами, материализуя мысль в словах, субъект создает смысловые структуры, которые служат операциональными единицами в его взаимодействии с реальностью и в развитии самосознания.

Оба проявления можно привести к общему знаменателю – представлению о языке как области ментального моделирования. Смысловое движение, характеризующее симбиотическую связь языка и мышления, выступает его неотъемлемой чертой и главной функцией: использование языка направлено не только на фиксацию и передачу определенного ракурса восприятия – его остроты, точности и гибкости, – но и на его корректировку, «перенастройку» в зависимости от интеллектуальных целей и экзистенциальных потребностей субъекта.

Список литературы

Артемьева, 1999 – *Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука, 1999. 313 с.

Бажанов, 2021 – *Бажанов В.А.* Абстрагирование и абстракции в оптике нейронауки // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 6–18.

Де Соссюр, 1977 – *Соссюр Ф. де*. Курс общей лингвистики // *Соссюр Ф. де*. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

Кассирер, 2011a – *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. III: Феноменология познания / Пер. с нем. А.М. Руткевича. М.: Академический проект, 2011. 398 с.

Кассирер, 2011б – *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. I: Язык / Пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Академический проект, 2011. 271 с.

Козлова, 2023 – *Козлова Н.Ю.* Метафорическое соотнесение как механизм мышления // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 95–103.

Лосев, 1982 – *Лосев А.Ф.* Поток сознания и язык // *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. С. 453–478.

Якобсон, 1985 – *Якобсон Р.* Взгляды Боаса на грамматическое значение // *Якобсон Р.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 231–238.

References

Artemyeva, E.Yu. *Osnovy psikhologii sub"ektivnoi semantiki* [Fundamentals of the Psychology of Subjective Semantics]. Moscow: Nauka Publ., 1999. (In Russian)

Bargh, Chartrand, 1999 – Bargh, J.A., Chartrand, T.L. “The Unbearable Automaticity of Being”, *American Psychologist*, 1999, vol. 54, no. 7, pp. 462–479.

Barsalou, 2008 – Barsalou, L.W. “Grounded cognition”, *Annual Review of Psychology*, 2008, vol. 59, pp. 617–645.

Bazhanov, V.A. Abstragirovanie i abstraktsii v optike neironauki [Abstraction through the Lens of Neuroscience], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 2, pp. 6–18. DOI: 10.5840/eps202158222. (In Russian)

Bloomfield, 1933 – Bloomfield, L. *Language*. London: George Allen & Unwin LTD, 1933.

Borghi et al., 2017 – Borghi, A.M., Binkofski, F., Cimatti, F., Scorolli, C., Tummolini, L. “The challenge of abstract concepts”, *Psychological Bulletin*, 2017, vol. 143, no. 3, pp. 263–292.

Borghi et al., 2019 – Borghi, A.M., Barca, L., Binkofski, F., Castelfranchi, C., Pezzulo, G., Tummolini, L. “Words as Social Tools: Language, Sociality and Inner Grounding in Abstract Concepts”, *Physics of Life Reviews*, 2019, vol. 29, pp. 120–153. DOI: 10.1016/j.pprev.2018.12.001.

Borghi, Mazzuca, 2023 – Borghi, A.M., Mazzuca, C. “Grounded Cognition, Linguistic Relativity, and Abstract Concepts”, *Topics in Cognitive Science*, 2023, vol. 15, pp. 662–667.

Cassirer, E. *An Essay on Man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture*. New Haven; London: Yale University Press, 2021.

Cassirer, E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. I: Yazyk* [Philosophie der symbolischen Formen. Band 1: Die Sprache]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. (In Russian)

Cassirer, E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. III: Fenomenologiya poznaniya* [Philosophie der symbolischen Formen. Band 3: Phänomenologie der Erkenntnis]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. 398 p. (In Russian)

Cassirer, 1910 – Cassirer, E. *Substanzbegriff und Fiktionsbegriff. Untersuchungen über die Grundfragen der Erkenntniskritik*. Berlin: Verlag von Bruno Cassirer, 1910.

Clark, 2006 – Clark, A. “Language, Embodiment, and the Cognitive Niche”, *Trends in Cognitive Sciences*, 2006, vol. 10, no. 8, pp. 370–374.

Clark, 2015 – Clark, A. *Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind*. New York: Oxford University Press, 2015.

Connell et al., 2018 – Connell, L., Lynott, D., Banks, B. “Interoception: The Forgotten Modality in Perceptual Grounding of Abstract and Concrete Concepts”, *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2018, vol. 373, no. 1752. DOI: 10.1098/rstb.2017.0143.

Dove et al., 2022 – Dove, G., Barca, L., Tummolini, L., Borghi, A. “Words Have a Weight: Language as a Source of Inner Grounding and Flexibility in Abstract Concepts”, *Psychological Research*, 2022, vol. 86, pp. 2451–2467.

Dove, 2014 – Dove, G. “Thinking in Words: Language as an Embodied Medium of Thought”, *Topics in Cognitive Science*, 2014, vol. 6, no. 3, pp. 371–389.

Dove, 2020 – Dove, G. “More Than a Scaffold: Language Is a Neuroenhancement”, *Cognitive Neuropsychology*, 2020, vol. 35, no. 5–6, pp. 288–311. DOI: 10.1080/02643294.2019.1637338.

Kemmerer, 2023 – Kemmerer, D. “Grounded Cognition Entails Linguistic Relativity: A Neglected Implication of a Major Semantic Theory”, *Topics in Cognitive Science*, 2023, vol. 15, no. 4, pp. 615–647.

Kozlova, N.Yu. Metaforicheskoe sootnesenie kak mekhanizm myshleniya [Metaphorical Correlation as a Mechanism of Thinking], *Voprosy filosofii*, 2023, no. 6, pp. 95–103. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-6-95-103. (In Russian)

Losev A.F. Potok soznaniya i yazyk [Stream of Consciousness and Language], in: *Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniyu*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 1982, pp. 453–478. (In Russian)

Mazzuca et al., 2021 – Mazzuca, C., Fini, C., Michalland, A.H., Falcinelli, I., Da Rold, F., Tummolini, L., Borghi, A.M. “From Affordances to Abstract Words: The Flexibility of Sensorimotor Grounding”, *Brain Sciences*, 2021, vol. 11 (10), no. 1304. DOI: 10.3390/brainsci11101304.

Peirce, 1960 – Peirce, C.S. *Prolegomena to an Apology for Pragmaticism*, in: *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Vols. I–VIII. Two volumes in one. Vol. III–IV. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1960, pp. 411–439.

Sapir, 1927 – Sapir, E. “The Unconscious Patterning of Behavior in Society”, in: *The Unconscious: A Symposium*. New York: Knopf, 1927, pp. 114–142.

Saussure, F. de. Kurs obshchei lingvistiki [Cours de linguistique générale], in: *Trudy po yazykoznaniyu*. Moscow: Progress Publ., 1977. 696 p. (In Russian)

Shea, 2018 – Shea, N. “Metacognition and abstract concepts”, *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 2018, vol. 373, no. 1752. DOI: 10.1098/rstb.2017.0133.

Van Dijk, 2014 – Van Dijk, T.A. *Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Varela et al., 2017 – Varela, F., Thompson, E., Rosch, E. *The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge: The MIT Press, 2017.

Whitehead, 1927 – Whitehead, A. *Symbolism. Its Meaning and Effect*. New York: Fordham University Press, 1927.

Yakobson, R. *Vzglyady Boasa na grammaticheskoe znachenie* [Boas' View of Grammatical Meaning], in: *Izbrannye raboty*. Moscow: Progress Publ., 1985, pp. 231–238. 455 p. (In Russian)